

Мислав Кукоч²

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время глобализация является одним из самых широко распространенных культурных, экономических и политических явлений, которое в значительной степени предопределило дискурс гуманитарных и социальных наук в начале III тысячелетия, когда наблюдается конец старого и рождение нового, еще не определенного мироустройства.

После падения коммунизма старый двуполярный мир столкновения идеологий и противостояния двух систем в экономическом, политическом, социальном и военном отношении, то есть эпоха холодной войны, канул в Лету. Нарождающаяся эпоха вначале была определена (в негативном смысле) посредством различных «пост-измов»: *постмодернизма, или постмодерна; постиндустриализма, или постиндустриального общества; посткапитализма, постисторизма, или конца истории, посткоммунизма* и т. д.

Однако негативные коннотации приставки *пост-*служат характерной приметой, указывающей на кризис идентичности новой эпохи — периода, последовавшего вслед за окончанием четко определенного сегмента исторической реальности, отличительные черты и определяющие факторы которого еще не приобрели ясных очертаний.

Теория кризиса идентичности не является специфичной для нашего времени прежде всего потому, что она, как примета данной эпохи, красной нитью прохо-

дит через весь XX век, начиная с философии Эдмунда Гуссерля («Кризис европейских наук»). Общая критика нынешних «пост-измов» может быть обращена ко всем историческим феноменам такого рода, всем историческим эпохам, которые пытаются определить себя преждевременно, до момента своего расцвета и осуществления своей цели. Как пишет Г. В. Ф. Гегель в предисловии к «Философии права», «философия в качестве мысли о мире появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения <...> Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»³.

Процесс глобализации уже управляет миром различными способами и окончательно предопределил структуру новой эпохи. Поэтому *сова Минервы не должна сохранять неподвижность*.

Парадигма глобализации, как представляется, получила всеобщее признание в качестве фундаментальной приметы новой, зарождающейся современной эпохи, нового этапа философии истории. Некоторые авторы полагают, что глобализация представляет собой не столько всеобъемлющий процесс трансформации, сколько процесс перехода к глобальному обществу или начала новой глобальной эры.

В этом смысле глобализация идентифицируется и определяется как *явление, лишенное ценности, объективная данность сегодняшнего дня*, сложный феномен с положительными и отрицательными сторонами, характеристиками и последствиями. Таким образом, глобализация — это сложный и противоречивый процесс формирования целостного мира путем создания глобальных институциональных структур и глобальных культурных форм, то есть форм, которые были

² Старший научный сотрудник Института социальных наук им. Иво Пилара (Сплит, Хорватия), профессор, доктор. Автор более 100 научных работ и 5 монографий. Президент Совета по международному сотрудничеству Хорватского философского общества, вице-президент Хорватского общества биотехники, президент Научного комитета международной конференции «Философия и глобализация».

³ Hegel G. W. F. The Philosophy of Right. Kitchener : Batoche Books, 2001. P. 20.

произведены или трансформированы на глобальном уровне доступными средствами. Она обнаруживает себя в следующем: а) *свободная рыночная унификация мировой экономики* с едиными схемами производства и потребления; б) *демократическая интеграция мира* на основе общих интересов человечества, таких как равенство, защита прав человека, верховенство закона, плюрализм, мир и безопасность; в) *моральная интеграция мира* вокруг ряда центральных гуманистических ценностей, важных для устойчивого развития человечества¹.

Глобализм — родственное понятие, которое также часто используется как синоним глобализации. Однако в то время как понятие «глобализация» обозначает объективный феномен, лишенный ценности, глобализм имеет принципиально другие коннотации, выражая субъективную, волюнтаристскую и идеологическую точку зрения (как и многие другие *-измы*), и воссоздает доктрину и идеологию, которые отстаивают принципы взаимозависимости и единства всего мира, всех наций и государств в противовес национальному и государственному партикуляризму. В отличие от родственных понятий «*космополитизм*» (акцентирует внимание на культурной идентичности человека мира) и «*интернационализм*» (продвигает идеологию революционного братства между народами), идея *глобализма* базируется на постнациональной экономической, информационной и межкультурной планетарной взаимозависимости².

Проглобалистское понимание уравнило глобализацию с *вестернизацией* или *модернизацией*, особенно в американизированной форме³. Согласно этой идее, глобализация служит движущей силой, благодаря которой социальные структуры современности (капитализм, рационализм, индустриализм, бюрократизм и т. д.) распространяются по всему миру, разрушая прежде существовавшие культуры. Глобализация в этом смысле описывается как важнейший инструмент обеспечения продолжающегося доминирования Запада над остальным миром, как *гиперкапитализм*, как империализм “McDonald’s”, Голливуда и CNN⁴, а также как неокOLONИализм⁵. С этих позиций некоторые алармисты предположили, что сейчас миром правят глобальные корпорации⁶. Многие из этих критиков обвиняют международные агентства наподобие *Всемирного банка* и *Всемирной торговой организации*, обвиняя их

в узурпации власти, отнятой у государств и местных правительств⁷.

Глобализация закрепила (если не усилила) неравенство в отношениях между странами⁸. В этом смысле глобализация является постколониальным империализмом, который не только возобновил и усилил эксплуатацию Юга Севером, но и включил бывшие коммунистические страны в число жертв. Для бедных стран глобализация, скорее всего, означает постоянные финансовые и сопутствующие экономические кризисы, обнищание в результате структурных преобразований, навязанных *Международным валютным фондом* и *Всемирным банком*, дальнейшее подчинение в вопросах международной торговли, экологические проблемы без экономических преимуществ и культурный империализм в сфере глобальных коммуникаций⁹. Глобализация расстроила надежды и ожидания того, что деколонизация предоставит Югу равные возможности и право на самоопределение в международных делах.

Неолиберализм приобрел доминирующее положение в качестве преобладающей политической концепции в эпоху современной глобализации. Действительно, данный подход активно обслуживает могущественные интересы, особенно интересы доминирующих в современном мире классов и стран. Что касается многосторонних институтов, то такие агентства, как МВФ, ВТО и ОЭСР, последовательно связывают глобализацию с либерализацией. Лидеры неолиберальной глобализации в большом количестве представлены в коммерческих кругах, особенно на финансовых рынках и среди руководящего состава транснациональных компаний. Бизнес-ассоциации, например Международная организация работодателей (МОР) и Всемирный экономический форум, также стали оплотами неолиберализма. Средства массовой информации, основные деловые газеты вроде “The Wall Street Journal” и “Financial Times” поддерживают неолиберальный политический курс.

С учетом масштабного удерживания центров власти неолиберализм часто рассматривается как политический догматизм, связанный с глобализацией. И действительно, в последние годы неолиберальные идеи получили широкое, не подвергаемое сомнению признание в качестве разумных¹⁰.

Однако современная глобализация породила межкультурную напряженность и конфликты. Она обусловила рост транснациональных культурных и религиозных связей, особенно в универсальных религиях. В то же время укрепление религиозной коллективной идентичности зачастую в некоторой степени служит защитной реакцией на глобализацию. В этом смысле религиозное обновление перерождается в своего рода надтерриториальный культурный протекционизм. Однако современная глобализация различными способа-

¹ Spajić-Vrkaš V., Kukoč M., Bašić S. Interdisciplinarni rječnik: Obrazovanje za ljudska prava i demokraciju (Interdisciplinary Dictionary: Education for Human Rights and Democracy). Zagreb : Croatian Commission for UNESCO, 2001. P. 178.

² Ibid. P. 179.

³ Spybey T. Globalization and World Society. Cambridge : Polity Press, 1996 ; Taylor P. J. Izations of the World: Americanization, Modernization and Globalization // Demystifying Globalization / C. Hay, D. Marsh (eds.). Basingstoke : Macmillan, 2000. P. 49–70.

⁴ Schiller H. I. Not Yet the Post-Imperialist Era // Critical Studies in Mass Communication. 1991. Vol. 8, № 1. P. 13–28.

⁵ Khor M. Adress to the International Forum on Globalization // New York City. 1995. Nov.

⁶ Barnett R. J., Cavanagh J. Global Dreams: Imperial Corporations and the New World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1994 ; Korten D. C. When Corporations Rule the Word. West Hartford : Kumarian Press, 1995 ; Berger J. The Threat of Globalism // Race & Class. 1999. № 2–3 (40).

⁷ George S., Sabelli F. Faith and Credit: the World Bank’s Secular Empire. Boulder : Westview, 1994.

⁸ Inequality, Globalization, and World Politics / A. Hurrell, N. Woods (eds.). Oxford : Oxford University Press, 1999.

⁹ Globalization and the South / C. Thomas, P. Wilkin (eds.). Basingstoke : Macmillan, 1997.

¹⁰ Scholte J. A. Globalization: a critical introduction. N. Y. : Palgrave, 2000. P. 29, 35, 40, 242.

ми и путями поощряла религиозный ривайвализм. Религиозный ривайвализм восстал против современного секуляризма в контексте столкновения цивилизаций. Некоторые теоретики глобализации, в том числе Шольт (J. A. Scholte)¹, отмечают, что цивилизационная парадигма — маргинальная, одна из многочисленных манифестаций глобализации в сфере культуры и религии. Однако в противовес этому, если мы будем рассматривать глобализм как идеологическое сопровождение и движущую силу широко распространенной глобализации, то сможем описать глобализацию, более точно определяемую в рамках неолиберального глобализма всего лишь как инструмент (пусть и наиболее эффективный), используемый Западом для удержания своих господствующих позиций в продолжающемся столкновении цивилизаций.

Важнейшим положением в парадигме столкновения цивилизаций является то, что фундаментальный источник современного глобального конфликта имеет преимущественно не идеологические или экономические, а культурные основания. Цивилизационный фактор приобретает возрастающее значение в глобализованном мире по нескольким причинам. Наиболее важная из них — религия. Различия между цивилизациями не только реальные, но и основополагающие. Они коренятся в «истории, языке, культуре, традициях и, что важнее всего, в религии. <...> Они куда более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами»². Религия, как центральный элемент цивилизационной идентичности, находится в процессе глобального возрождения. Это возрождение подобно «десекуляризации мира»³, которая, по Хантингтону⁴, проникла на все континенты, в каждую цивилизацию и практически в каждую страну; Жиль Кепель⁵ в связи с этим говорит о «реванше Бога» (*“la Revanche de Dieu”*).

В середине XX века проглобалистское общество и интеллектуальные элиты предположили, что экономическая и социальная модернизация ведет к отмиранию религии как значимого элемента человеческого существования. Приверженцы модернизации и секуляризации были удовлетворены тем, в какой мере наука, рационализм и просвещение вытесняют предрассудки, мифы, иррациональность и ритуалы, которые формировали ядро существующих религий. Нарождающееся общество будет толерантным, рациональным, прагматичным, прогрессивным, гуманистическим и светским.

Экономическая и социальная модернизация обрела глобальный размах, в то же время ей сопутствовало глобальное религиозное возрождение. Однако это возрождение — *«реванш Бога»* — охватило не весь мир, а лишь некоторые незападные цивилизации. Запад,

особенно Европа, под влиянием либерализма и рационализма в духе Просвещения и секуляризма не принял такого рода религиозную экспансию, так что ривайвалистский антирационализм в европейском обществе стал тенденцией, подхваченной меньшинством, даже в христианских сообществах. С другой стороны, иначе дело обстоит в сообществах иммигрантов, принадлежащих к неевропейским цивилизациям и нехристианским конфессиям, особенно к исламу. Новый религиозный подход обрел формы, провозгласив своей целью уже не адаптацию к светским ценностям, а восстановление сакральных основ устройства общества путем его изменения, если понадобится. Выраженный различными способами, данный подход настаивает на отходе от модернизма и глобализма, которые не оправдали себя по причине отказа от Бога. Целью стала уже не модернизация ислама, а «исламизация модерна»⁶.

Имеет место глобальная экспансия религиозного возрождения. Во времена стремительных социальных перемен самоидентичность нуждается в переопределении, должны создаваться новые идентичности. Люди сталкиваются с потребностью ответить на вопросы: *«Кто я такой? В чем мое предназначение?»*. Религия дает человеку убедительные ответы на эти вопросы, чувство идентичности и направление в жизни. В этом процессе люди вновь открывают для себя или создают новые исторические идентичности. Какие бы универсалистские цели они ни преследовали, религии создают идентичность, устанавливая базовое различие между верующими и неверующими, вышестоящими консолидированными и нижестоящими разобщенными группами⁷. Глобальное религиозное возрождение — это реакция против секуляризма, морального релятивизма и потворства своим желаниям, это повторное утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и человеческой солидарности. Нарушение порядка и принципов гражданского общества приводит к жертвам, которые используют религиозные, как правило фундаменталистские, группы.

Ученые, исследующие религиозную ситуацию, сложившуюся в Западной и Восточной Европе, обсуждают тот же феномен — более высокий уровень секуляризации и ослабление религиозности после падения коммунизма. Наконец, несмотря на протесты со стороны иерархов христианской церкви, в предлагаемой Конституции Европейского Союза не содержится упоминания о религии, то есть о христианстве, как духовной и культурной основе европейской идентичности. Однако в западных цивилизациях глобализация с ее важнейшими последствиями (либерализм, рационализм, секуляризм, сциентизм и т. д.) вытеснила религиозное возрождение. Хотя в Европе распространяются новые многочисленные формы духовности в духе New Age («Новый век», «Новая эра»), провозглашенная Кепелем «вторая евангелизация Европы»⁸ кажется переоцененной и необоснованной.

¹ Scholte J. A. Op. cit. P. 22–24, 176–177.

² Huntington S. P. The Clash of Civilizations?: The Debate, with responses by F. Ajami [et al.]. N. Y. : A Foreign Affairs Reader, 1993. P. 25.

³ Weigel G. Religion and Peace: An Argument Complexified // Washington Quarterly. 1991. № 14 (Spring). P. 27.

⁴ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996. P. 95–96.

⁵ Képel G. Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 1994. P. 2.

⁶ Képel G. Op. cit. P. 2 ; Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 96.

⁷ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 97 ; Al-Turabi H. The Islamic Awakening's Second Wave // New Perspectives Quarterly. 1992. № 9 (Summer). P. 52–55.

⁸ Képel G. Op. cit. P. 2.

Все политические идеологии XX века — *анархизм, коммунизм, марксизм, корпоративизм, социализм, социальная демократия, либерализм, консерватизм, национализм, национал-социализм, фашизм, христианская демократия* и другие — являются продуктами западной цивилизации. Никакая другая цивилизация не породила значимой политической идеологии. Однако Запад не создал ни одной основной религии. Все основные мировые религии — *иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм и синтоизм* — являются продуктами незападных цивилизаций¹. Очевидно, культура и религия стали важными инструментами сопротивления западному доминированию, используемыми незападными цивилизациями, особенно исламом, для отказа от западных идеологий, в том числе от новой идеологии неолиберального глобализма.

Как следствие, движения за религиозное возрождение являются антисекулярными, антиуниверсалистскими, антиглобалистскими и (за исключением редких христианских проявлений) антизападными. «Очищенному» исламу в современную эпоху предстоит сыграть роль, сопоставимую с ролью протестантской этики в истории Запада, как она теоретически показана Максом Вебером². Куда в большей степени, чем идеология неолиберального глобализма, религия дает смысл и направление нарождающимся элитам в обществах, переживающих модернизацию. Больше, чем что-либо другое, повторное утверждение ислама означает отказ от европейского и американского влияния на местные общества, политику и мораль. В этом смысле возрождение незападных религий служит наиболее мощным проявлением антизападничества в незападных обществах.

В настоящее время Запад пытается сохранить свое доминирующее положение в мире посредством глобализации. В предпринимаемых усилиях Запада можно выделить три аспекта: 1) сохранение военного превосходства за счет политики нераспространения и защиты от распространения ядерного оружия; 2) продвижение западных моральных и политических ценностей в качестве универсальных, принуждая другие общества уважать права человека, как они понимаются на Западе, и принимать западную демократию; 3) отстаивание культурного, социального и этнического единства западных обществ, ограничивая потоки незападных иммигрантов и беженцев. На всех этих направлениях Запад столкнулся с трудностями. Во-первых, представители незападных обществ не рассматривают права человека и демократию в качестве универсальных ценностей, которые послужили источником западной гегемонии. Во-вторых, в том, что касается этих ценностей, лицемерие и двойные стандарты являются постоянными атрибутами западного поведения, то есть имеет место расхождение между принципами и действиями: Запад продвигает демократию, но только если она не приводит к власти исламских фундаменталистов;

настаивает на нераспространении ядерного оружия применительно к Ирану, но не к Израилю; требует соблюдения прав человека в Северной Корее, но не в Саудовской Аравии³.

На силу ожесточенности конфликта между исламом и христианством в тот или иной временной период оказывали влияние демографический рост и спад, развитие экономической конъюнктуры, технологические изменения и степень религиозных убеждений. Сопоставимый комплекс факторов усилил конфликт между исламом и Западом в начале XXI века. Рост исламского населения вызвал увеличение количества безработных и недовольных своей жизнью молодых людей, которые стали наемниками в исламистских группировках и мигрировали на Запад. В последнее время наблюдается их миграция с Запада в Сирию для присоединения к «Исламскому государству». В то же время огромное количество мигрантов и беженцев перемещается в Западную Европу из ближневосточной зоны военных конфликтов.

Одновременные усилия Запада по универсализации своих ценностей и институтов, поддержанию собственного военного и экономического превосходства, вмешательству в конфликты в мусульманском мире порождают мощное сопротивление среди мусульман. Падение коммунизма ниспровергло общего врага Запада и ислама, в результате чего последние стали видеть главную угрозу друг в друге. Наконец, и в мусульманском, и в западных обществах резко снизилась толерантность к другим (после 11 сентября 2001 г. и в последнее время после террористических атак на европейские общества, в том числе во Франции, Германии, Нидерландах, Скандинавских странах и т. д.).

Современная культура, основанная на конфликтах, должна уступить место межкультурному диалогу, в ходе которого могут произойти переопределение и трансформация глобализации, формирование более человеческого облика глобализации. Глобализация неолиберальной экономики должна сопровождаться нормативным (социально-политическим и моральным) требованием *глобализации ответственности* в целях защиты общего будущего человечества и общего блага (от чистой питьевой воды до незагрязненной окружающей среды и озонового слоя, от богатого биологического разнообразия до богатого культурного многообразия)⁴. Более того, социальные «капканы», которые расставляются действующей идеологией неолиберального глобализма, продвигаемой корпорациями и навязываемой диктатом свободного рынка, должны стать очевидными, особенно сегодня, во времена глобального политического и экономического кризиса. Нынешний глобальный кризис актуализирует предложения о радикальной трансформации глобализации в том, что касается придания ей человечности.

³ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 183–206.

⁴ Lenk H. Perspectives and Dimension of Globalization — With Special Regard to IT, Science and Economics // Interim World Philosophy Congress. New Delhi, 2006.

¹ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.

² Weber M. The Protestant Ethics and The Spirit of Capitalism. N. Y. : Penguin Books, 2002.

Некоторые теоретики¹ говорят о глобальном надтерриториальном кейнсианстве и прогрессивном перераспределении мировых благ согласно так называемому налогу Тобина, об аннулировании долгов и переориентации международных финансовых институтов на обеспечение внутреннего экономического роста и полной занятости вместо роста, подстегиваемого экспортом.

Межкультурная глобализация этических и религиозных аспектов жизни, в частности взглядов на гума-

нитарные цели, права человека, международную глобализацию ответственности, обуславливает использование своего рода прикладной философии и этики в глобальных межкультурных реалиях. Особая этическая глобализация требует выверенного и тонкого межкультурного философского анализа, призванного содействовать тому, чтобы избежать покровительствующего давления путем навязывания моральных ценностей одной культуры другой.

---

¹ *Hauchler I.* Weltordnungspolitik — Chance oder Utopie? Thesen an Steuerbarkeit globaler Entwicklung // *Globale Trends. Fakten, Analysen, Prognosen* / I. Hauchler (ed.). Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. S. 10–32 ; *Küng H.* A Global Ethic for Global Politics and Economics. L. : SCM Press, 1997 ; *Rupert M.* Ideologies of Globalization: Contending visions of a New World Order. L. ; N. Y. : Routledge, 2000 ; *Scholte J. A.* Op. cit. ; и др.